

КРОКОДИЛ

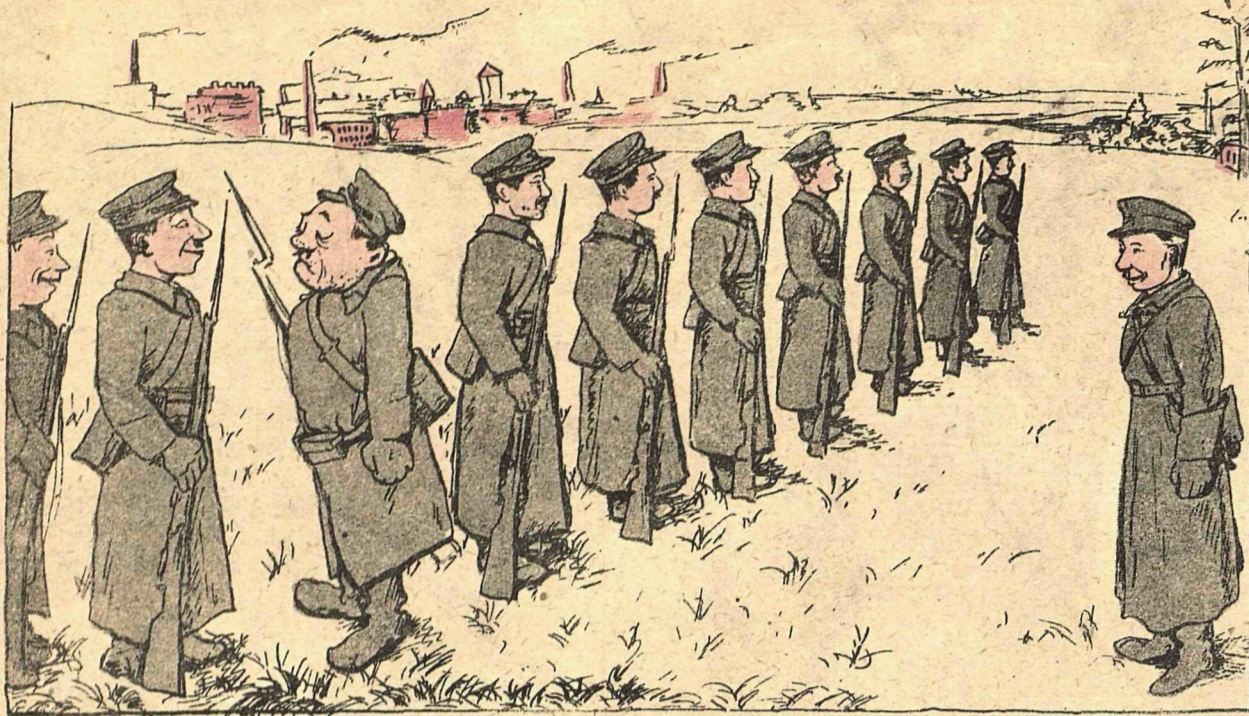
ДА ЗАРАВСТВУЕТ 7ОЕ ОКТЯБРЯ—
ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ УДАРНИКА!

ДЕВЯТЫЙ ГОД
ИЗДАНИЯ
СЕНТЯБРЬ 1930
МОСКВА

Рис. К. Ротова

Я-то думал, что этот день праздновать будем, а тут все работают...

СИЛА ПРИВЫЧКИ

КОМВЗВОД (правому оппортунисту): — Ну, милый, если будешь так вертеться, то придется тебе выйти из рядов.

ВЫДЕРЖАННЫЙ

НА-ДНЯХ я встретил Петра Ивановича Бобчинского, — не того, который у Голя, а так, вообще который.

Выглядел он неважно и на мой вопрос о делах и делишках ответил, вздохнув:

— Плоховаты, признаться. Пострадал, так сказать... По партийной линии.

— Оступились?

— Вот уж — ни боже мой! Ни настольно даже. Соблюдал себя целиком и полностью. Малейшего сползания остерегался, не говоря уже о впадении! Работа моя протекала в районе некоторым образом коллективизации, так уж я мимо нее — бочком, бочком! „Э, — думаю, — тонкая это штука! Уж лучше, — думаю, — само текцем пускай!“ Сболтнешь что-нибудь агитирующее да еще возглавишь нечаянно — ан, глядь, тут же и заподозрят в левом загибе! И хорошо еще, если только это. А то...

— Что же?

Всякое может быть. Тут недавно инструктор один, Ноздрев, середняка приказал раскулачить. Тот, натурально, ко мне: „Заступись, Петр Иванович!!!“

— Заступились?

— Что вы, что вы!.. — замахал Петр Иванович руками. — Пока докажешь, что середняк он, так тебе двадцать раз правую практику успеют пришить! Разве не было уже случаев?.. Одному товарищу из нашей ячейки как начали недавно правый уклон паять, — насилу реабилитировался! А клеили, между прочим, без малейших оснований: выдержаннейший партиец. Из склочных побуждений все это под него

подвели. Кому, кому, а уж мне-то вся подоплека доподлинно известна была!

— Так что вы его и реабилитировали?..

— Сохрани боже! — испугался Петр Иванович. — Было у меня, правда, некоторое поползновение в мыслях, но тут же я и отмежевался! „Э, — думаю, — рот только успеешь раскрыть, как сейчас и обвинят в примеренчестве!“ Нет, знаете, я от таких щекотливых дел подальше, подалше!..

— Так... Ну, а за что же вы пострадали?

— Ума не приложу! — развел руками Петр Иванович. — Если бы, скажем, в делах какая неисправность, так ведь у меня же всегда объективные причины налицо!

— Но, однако, была же какая-нибудь мотивировка?

— Как вам сказать?.. Так, коротенькая до чрезвычайности.

— А именно?

Петр Иванович достал из кармана бумажку и прочитал:

— „Постановили: исключить, как законченного оппортуниста.“

Затем добавил, пожав плечиками и склонив голову набок:

— Признаться, даже не понимаю... Уж и у товарищей спрашивал: что ж, собственно, оно означает — „законченный оппортунист“? Правый это уклон или левый загиб?

— Ну, и что же?..

— Да ничего, — печально махнул рукою Петр Иванович.

— „Ни то, — говорят, — ни се, а так, чорт знает, что такое!“

Грамен.

ОНА, ОН И РАЙОН

(Печальный романс)

ОН БЫЛ „окружного масштаба“,
Она — беспартийного дочь
И, выслушав чувства отв-раба,
Сказала: „Я что ж... Я не прочь!“
И зажили счастливо оба,
Как рыбы в глубоком пруду...
Она была видной особой,
Отв-раб же стоял на виду!
Супругу повсюду, понятно, —
Вниманье, и место, и честь,
Супруге, конечно, приятно
В театре с ним рядышком сесть.
Она — „беспартийная баба“.
Но все-таки с ней не шути:
Ведь он окружного масштаба,
Из первых в числе „двадцати“!
У них — и прислуга со стиркой,
У них — и сарай с погребком,
И с ихней уютной квартиркой
Весь цвет исполкома знаком!
У них, за стаканчиком чая,
С отв-рабом встречался отв-раб...
„Но, — скажет читатель, скучая, —

Романсик закончить пора б!“

Романс? Не романс же, а драму ж!

Ведь округ теперь упразднен!

Затем ли пошла она замуж,

Чтоб „ехать в какой-то район“?

„Да знать бы! Да ведать когда бы!“

„Да я бы... Да лучше умру!“

„Сулил областные масштабы,

„А гонят куда-то в дыру?“

А он, как прилично мужчине

(Притом, из числа „двадцати“),

Обиду снижения в чине

Без лишних гримас проглотил...

Вернулся с работы к обеду

И молвил, поевши котлет:

„А я все равно не поеду!“

Уж лучше верну партбилет!“

Мне жаль окружного отв-раба...

Мне жаль беспартийного дочь...

Он стал никакого масштаба,

Она прогнала его прочь!

Сурова рука пятилетки,

Печальны супругов дела...

А если бы были и детки?

А если б и теща была?!

Грущу о разрушенном быте...

Я в чувствах своих оскорблен!

Ну, как тут избежать, скажите,

Впадения в правый уклон?

Беспартийный

Савелий Октябрь.

Рис. М. Храпковского

БЫЛО утро. Мой спутник — грузный Быкадоров спустился с верхней полки, как гуча, сползающая в долину. Зарницы четырнадцати часов сна угасали сладкими зевками на его сдобном лице. Опарой всходил под гимнастеркой мягкий «беспартийный» живот.

— Ну, вот мы и поспали! — благодушно сказал мне Быкадоров. — Теперь мы умоемся, закусим чем кооп посыл, а там и... соснуть можно!

— Быкадоров? — спросил я, протирая усталые от дорожной бессоницы глаза. — Быкадоров, сколько же можно спать?

— А чего еще в дороге делать? — удивился он.

— И сколько можно есть?

— В дороге-то?!

Он «закусил» парой кило продуктов и, подремав, захрапел на всю Украину.

Украина развевалась за окнами вагона рыжими полями, стриженными под тракторную машинку; красными обозами с хлебом; колхозными деревнями и станциями неизвестных названий, — неизвестных, потому, что названия были закрыты лентами лозунгов. Лозунги звали к новой жизни.

Быкадоров спал. Он проснулся под Конотопом и объявил, что:

— В Конотопе неслыханные борщи! После Конотопа, вновь лежа на полке, Быкадоров нагнулся ко мне:

— У тебя что: «Правда»? Ты ее сейчас не читаешь?

Я с готовностью протянул ему газету.

— Нет, пожалуйста! Возьми. Прочитай. Кстати, интересное сообщение о...

Быкадоров зевнул.

— Ладно, давай. Какие еще там сообщения? Промфинпланы да путинны. Каждый день про это. Надоело. Каждый ведь день!

Он развернул газету шатром над головой и через минуту из шатра послышался храп.

Быкадоров спал, а мы стояли. Поезд застрял в степи за полустанком. А время давно уже сдвинулось с полдня в глубь сумерек. В вагонном полумраке пассажиры вздыхали и поругивались.

— Какая станция? — проснулся Быкадоров.

— Станция Степь, застряли...

Он благодушно зевнул.

— Ну и пусть, нам не к спеху.

— Нам не к спеху, а кому-нибудь очень к спеху. И не в нас с вами, Быкадоров, дело, не в нас, а в системе. Если транспорт будет застревать...

— Тебе-то что? Ты кто? Транспортник?

— Но ведь, если транспорт будет отставать от промышленности.

— Понес... понес-ес... мало я на этих докладах спал... прорывы и разрывы, встречный и поперечный. Брось!

Дело шло к ночи. Паровоз еще починяли. Быкадоров завалился спать.

Мы под'езжали к приморскому городу.

Я затормозил сладко спящего спутника.

— Быкадоров, вставай! Приехали с опозданием на семь часов. Подумай, на семь часов! Подумай, на целых семь часов опаздывает поезд! Что ты скажешь об этом, Быкадоров?

Он закинул руки, потянулся:

— А который теперь час?

— Второй!

— Второй? Ну, что же я скажу? Самое время обедать!

...Мародер-извозчик, решивший прокормить овсом целый табун лошадей за счет двух седоков, подвез меня и Быкадорова к коммунальной гостинице.

— Ничего нету! — вежливо сказали нам в конторе. — Все занято. А

которые девять номеров свободные, то они забронированы! Под теплотехнический с'езд.

— Когда будет с'езд?

— В конце сентября!

— А сейчас какой месяц?

— Ну, август. А что?

— Быкадоров! — закипел я, — но ведь это наглость, издевательство над приезжими, бюрократизм!

— Брось! — мягко возразил Быкадоров. — Дать ему какую-нибудь трешку в счет брони и...

— В счет брони? Взятку? Ты это серьезно, Быкадоров?

Он пожал плечами.

— Ну, знаешь, лично меня этот вопрос мало волнует. У меня как раз в этом городе есть знакомые, которые будут очень рады, если я...

— Быкадоров! Не о тебе и не о себе только я говорю. Пойми, ведь это явление...

— Знаю, знаю, — явление мирового масштаба! Ну, знаешь, мне на это наплевать с высокой палубы. Я тебе не Профинтерн. И не Коммунхоз...

Мы растались с Быкадоровым. Он поехал к знакомым. Я поплелся на вокзал.

На-днях мы встретились с ним в Москве.

— А... а! — воскликнул добродушный толстяк: — «прорыв-разрыв»! Обедать уже?

— Обедать... ладно. Вечно ты... скажи лучше, — читал сегодня о Донбассе?

— Чего о Донбассе? Вечно ты тоже...

— О текучести рабочей силы...

— Ах, о текучести, — зевнул Быкадоров. — Ну, что же, все течет, все и меняется. Диалектика же!.. Стало быть, ты уже пообедал? Ну, я, знаешь, пошел...

...И он упорхнул, этот милый мирный обыватель. Такой благодушный, ничем не волнуемый, вседовольный. С обложенным жирами сердцем. С невидимым и непонятно зачем лежащим в кармане... партбилетом.

Было время напряженного строительства и последней, решительной борьбы.

Л. Митницкий.

— Сердце сдвинуто у вас на правую сторону, и на правую ногу припадаете... Для наступления определенно не годитесь.

ИЗ ОКРУГА В РАЙОН

— Какая отвратительная дорога! Первый раз по такой еду!

В РАЙОННОМ МАСШТАБЕ

МЫ с Михалкой Трофимовым прямо скажу, — районные работники, но не какие-нибудь там оппортунисты или уклонисты, — ребята крепкие и на ять. Работищи у нас всегда было — по горло. Только и делай, что работай! По совести-то сказать, — на ком все кампании держалась? Центру или округу легко, — прислал директиву и — «ждем отчета по проведению к такому-то числу». А мы — отдувайся: мало того, что кампанию с вовлечением на сто процентов, — еще и отчетывайся!

Что ж делать? Такой наш районный масштаб! Ничего не поделаешь... Этой осенью, значит, постановление об ликвидации округов и о переброске работников в районы. С одной стороны, усиление, а с другой — вроде

опять кампании, но уже нас не касающейся, — не можем мы в районном масштабе проводить кампанию округную и даже центральную. Однако и своих хватает: тут и посевная, и уборочная, и заготовительная, и промфинплан, и месяц ударника, и подписка на заем, и встреча нового хозяйственного, и подтянуться, и не допускать, и поднять, словом — не только по горло, а вообще никакого горла нехватит на все про все.

Сидели мы, обсуждали, выработывали, рассчитывали, чтоб всего и всех хватило. А Михалка, надо вам сказать, самый наш ответственный, в отъезде был, в округе. Без него еще тяжелее, конечно, но проработали, разработали и подработали на ять. Тут и Михалка приезжает. Мы радо-

стно его встретили и, даже не узнавая о новых новостях, прямо предложили:

— Вот тебе хомут на два месяца по расчетам. Впрягайся и вывози, что вытянешь!

А Михалка посмотрел на нас, на всех, будто в первый раз видит, сплюнул, как никогда не плевал, — как-то из середины комнаты в самый угол, по-залихватски да ни с того ни с сего и обратился ко мне:

— Слышь, парень, дрови в городе достал, — недельки на две закатимся на Косую балку! Там куропаток — видимо-невидимо, да и зайцев достанем.

— Рановато для зайцев... — как-то не сообразив, ответил я, а потом спохватился: — Ты не сдурел, Михалка?

Какие тут куропатки, когда на плечах столько кампаний?

И опять плевков последовало:

— А вы, товарищи, не сдурели? Округ упраздняется, нам в район работников округных пришлют, а мы будем кампании проводить? При нашей слабости аппарата? Как же так? Если бы мы смогли кампании провести, нам бы и работников не присылали, а то присылают!

Покрутили мы головами и не нашлись, что ему сказать, а он продолжает:

— Мы вместо проведения кампании такого с вами накрутим без работников, что они потом и не разберутся... Вот под'едут, тогда и...

— Когда они под'едут-то?

— Да говорили, что скоро! На случай чего, надо в область запрос сейчас послать с подтверждением... А пока — на Косую балку...

— Пока приедут, пока что, а кампании стоять будут?

— Ну, и чудак-человек! Что ж ты с кампаниями делать будешь, если у нас аппарат слаб? Ничего ты с ними не поделаешь! Вот приедут товарищи из бывшего окружного центра, — им и кампании в руки, а наше дело теперь вовсе маленькое... На Косую балку.

Приехали мы с Косой балки угрюмо: проколачивались там две недели, а толку всего ничего. И какой дурак Михалка сказал, будто там куропатки живут! Правда, рябчиков взяли несколько штук, да что с них, с рябчиков-то? На один зуб!

Округных работников что-то не видно. Говорят, без нас приезжали да назад быстро уехали: жить, говорят, негде, работать негде, ничего для них не приготовили, видите ли! Подумаешь, — столичные какие! Живем же мы, а им негде?

И вдруг — бац! Из области разговор такой:

— Худший вид оппортунизма!

Вот те и балка! Сами работников не шлют, знают, что аппарат наш районный — слаб, и нас же кроют, — худший вид оппортунизма!

Ну, что ты на это скажешь?

Вл. Павлов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА

ПЕРЕВОД БУМАГИ

«Прикамская коммуна», не щадя бумаги, печатает большую повесть Горевского «В огне».

Единственное достоинство этой повести — личная отвага автора. Не ликвидировав свою неграмотность, автор смело берется за повесть. Результаты, правда, получились тяжелые.

Не имея никакой врачебной помощи, смерть сваливала одного за другим...

Войдя в Кишинев, отряду то и дело стали попадаться группы военных...

Он стал наносить удар за ударом до тех пор, пока, лишившись сил, у него из рук не выскочило полено.

Таким языком написана у Горевского вся повесть. Даже полено, и то лишилось сил!

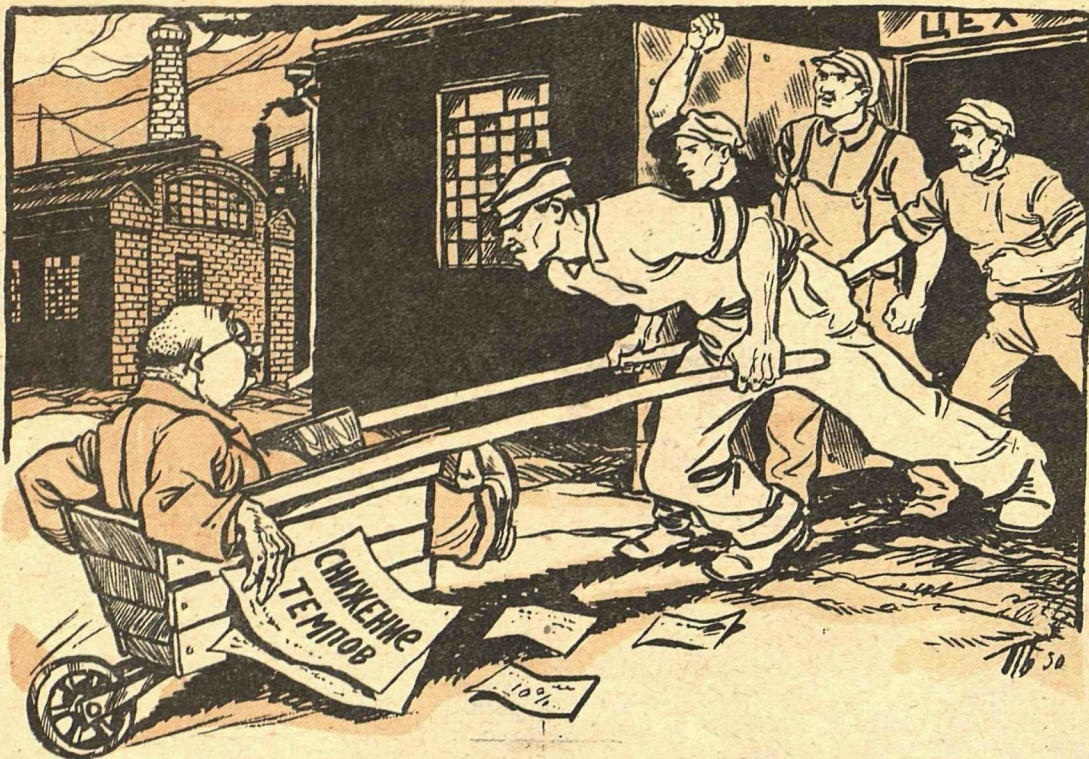
Здорово нынче стали писать в провинции. Точь в точь, как в столице. Во всяком случае от Либединского не отстают.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!
ШЛИТЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
В ОТДЕЛ „ЛИТЕРАТУРНАЯ
ЛОХАНКА“

ДРУЗЬЯ - ПРИЯТЕЛИ

КУЛАК (оппортунисту): — У нас с вами, тов. Фруктин, до того одинаковые взгляды, что меня даже сумление берет — уж не партийный ли я...

„Встречный“ в действии.

КОРОТКАЯ ПАМЯТЬ

(Романс прорывщиков)

Промфинплан выполнять мы партс'езду клялись
И потом со знаменами в клубе снялись,
Было много и жару и пыла...

Это было давно,
Это было давно...

Мы не помним, когда это было!

★

Положить мы решили прогулам конец
И другим дисциплины подат образец,
И газета нас очень хвалила...

Это было давно...

Даже вспомнить чудно!

Мы забыли, когда это было.

★

У ячейки однажды был смелый порыв —
Ликвидировать разом позорный прорыв,
Только... пороку ей нехватало.

Это было давно,

И теперь мудрено

Даже вспомнить, когда это было.

★

Был завком наш когда-то активен и рьян,
Собирались мы встречный родить промфинплан,
И братва на собраниях бузила.

Это было давно...

Мы смотрели кино...

Нет! Не вспомнить, когда это было!

★

В общем — был на заводе хороший актив,
И ударным совсем было стал коллектив,
Только... что-то все не выходило!

Не кленлось оно...

Это было давно —

Мы забыли уж, как оно было...

★

А теперь весь завод наш на черной доске,
Но не хочет никто предаваться тоске,
Лишь завкомцы зевают уныло:

— Значит, так суждено!

Наплевать! Все равно —

Мы забудем, когда это было.

Вас. Лебедев-Кумач.

„ЛЫЖНАЯ ВЫЛАЗКА“

ЕЖЕДНЕВНО, с самой рани и до поздних до
времен стон стон по Епифани, по всему рай-
ону стон:

— Нету ложек! Дайте ложки! Деревянных! Ци
хлебать!

Этот вопль истощный может мертвецов поко-
лебать. Заиграет ли гармошка, на собрании ль
доклад, — всюду ложка, ложка, ложка, — все о
ложках гомонят!

Как хлебать? Вопрос! Мученье! Сил не стало!
Как же быть?

Стали люди из поленьев ложки жалкие долбить.
На стенанье и на вопли рабкоопу ль напле-
вать: виноват, не рабкооп ли должен ложки вы-
давать?

Рабкооп, не медля, разом, успокоивши галдеж,
разражается приказом:

— Ложки! Экстренно! Даешь!

Ждут. Трясутся. Уповают. И по ветру держат
нос.

Вот 13 мая тарыхтит огромный воз.

Люди млеют.

Воз все ближе...

— Ложки... — шепчут все уста.

— Вдруг — скандал! Привозят... лыжи...

Гром! Картина! Красота!

Телефон ли, телеграф ли, — интересно ли для
нас? — только кто-то не потрафил, перепутал тот
заказ.

Снова с силою ударной в Епифани вой и стон.
А на станции товарной сохнет с лыжами вагон.

Гулик.

«СОРЕВНОВАТЕЛИ»

ДВА гиганта потребкооперации вступили в соревнование на снижение
материального уровня пайщиков. Майкопский ОСПС открывает за-
очные курсы профсоюзного благополучия и пустословия.

Б. Токмак. (Срочная). Местный ЦРК заключил с вологодским ЦРК
договор по соревнованию на худшее обслуживание рабочих.

Несмотря на дальность расстояния (около двух тысяч километров), вы-
полнение договора проходит успешно. Промфинплан завода «Красный про-
гресс» (6.000 рабочих) трещит по всем швам.

Вологда. (Молния). Во исполнение договора с вами расчищаем путь к
старой кухне. Перестали поить чаем, ножей и вилок не моем. После четырех
часов на второе выдаем вчерашний кисель.

Вологодский ЦРК.

Б. Токмак. Кооперативный привет красной Вологде. Приучили офици-
анток вытирать столы грязными тряпками, работники прилавка самоснаб-
жаются и опохмеляются в магазинах. Сын частного Ялов служит в Орг-
отделе, регистрирует пайщиков.

Опыты над промфинпланом «Красного прогресса» продолжаем.

Б. Токмакский ЦРК.

Майкоп. Присоединяемся к соревнованию. Два года железнодорожные
рабочие ст. Майкоп убеждали местные профорганизации поднять вопрос о
переводе Майкопа во второй пояс по оплате труда.

Два года мы всячески тормозили это дело.

Случайно рабочие узнали, что осенью 1929 г. Наркомтруд СССР пе-
ревел Майкоп во второй пояс.

Делаем попытку смазать постановление Наркомтруда. Убеждаем ждать
постановления о переводе Майкопа в 1-й пояс.

Майкопский ОСПС.

— Дичь! — скажут читатели.

— Совершенно верно — дичь. Никакого такого соревнования ни одна
из указанных организаций не объявляла.

— Для чего же тогда ты пишешь о каком-то соревновании, переключе-
ке городов?

— А для того, чтобы отчетливее стала сущность деятельности воло-
годского и б.-токмакского ЦРК, Майкопского ОСПС, — отвечаю я.

Сущность же действий этих ЦРК и ОСПС такова, как она здесь
изложена.

Б. К.

Оседланый пред

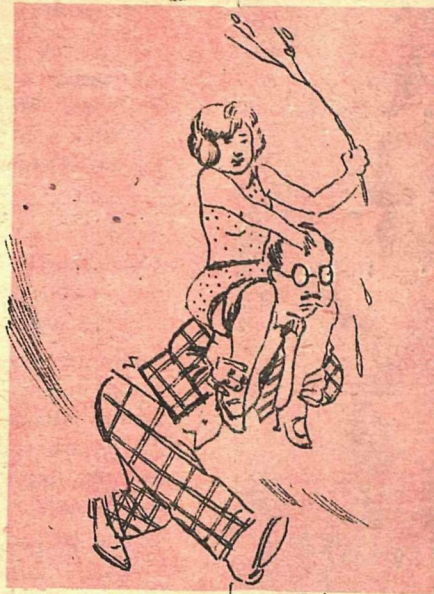
Утомленный трудной и ответственной работой, председатель правления Омского ЦРК Тарасов задумал развлечься. На казенном автомобиле он махнул за 325 километров на курорт Боровое, где в доме отдыха находились работники ЦРК.

Разнеженный курортным воздухом, Тарасов предложил как-то вечером конторщице ЦРК Дороховой прокатиться с ним на автомобиле.

— Что вы, что вы, товарищ Тарасов, — запротестовала Дорохова: — разве можно тратить общественные деньги!

— Пляньте! Куда наше не пропадало! Один мой приезд сюда в сто рублей вскочил. Не обеднеют пайщики от нашего катания.

Дорохова, однако, наотрез отказалась кататься на общественный счет. Но так как Тарасов категорически

настаивал, она предложила прибегнуть к более дешевому способу катанья:

— Хотите, покатаюсь на вас.

Тарасов согласился. И вот Дорохова на глазах толпы отдыхающих, взобравшись на крыльцо, удобно устроилась на предовской спине и торжественно приказала:

— До «Сосенок»!

Пред потрусил легкой рысцой.

— Ал-ле! В галоп! — скомандовала Дорохова.

Расстояние до «Сосенок» было порядочное. От галопа пред начал задыхаться. С него катил пот.

Вот и «Сосенки». Высунав язык, пред остановился.

— Ф-фу! Приехали. Ну, слазьте!

— Нет, — заявила решительно Дорохова. — Теперь я не слезу. Везите меня отсюда прямо в Омск. В Контрольную комиссию.

М. Илюшин.

БЕЗМЫЛЬНЫЕ „ПУЗЫРИ“

В августе МОСПО выдавал туалетное мыло по рабочим карточкам, а дети мыла не получили.

В том же месяце по детским карточкам выдавались селедки.

С какого бока ни взгляни
На дядей марки

МОСПЕОВСКОЙ,—

Признаться надо, что они
Не чужды складки философской.
Идеи новенькой внемли, —
Она все старые затмила, —
— Детишки-то — цветы земли,
Ну, а цветам не надо мыла!
Цветочкам — мыльца? Чистый срам,
Глупее не было ватейки:
Их только надо по утрам
Леонько поливать из лейки!..
И революция «на-ять»
Блестает небывалой сметкой:
«Ребятам в мыле аткавать»,
Зане снабжаем их селедкой!..»
Умыли руки, не учтя
Одной серьезной закорючки:
Поев селедочки, дитя...
Желает с мылом вымыть ручки!
В. Гранов.

АНКЕТА ПО ТЕЛЕФОНУ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ с'езд потребовал, как известно, от всех учреждений и предприятий перестройки работы под лозунгом мобилизации масс на социалистическое строительство.

— Интересно знать, как идет перестройка? — сказали мы и, вооружившись телефонной трубкой, стали вызывать различные организации и учреждения.

На наш вопрос, как идет мобилизация масс, мы получили такие ответы:

— Мобилизация? Какая мобилизация? Первый раз слышу. Мы еще не проработали решений с'езда.

— Эх, хватили! У нас давно уже висит лозунг: «искусство — трудящимся».

— Сейчас ничего не могу сказать: период отпусков, сами понимаете.

— Партийный, говорите, с'езд? А мы-то тут при чем? У нас учреждение чисто советское.

— Прекрасная идея! Интересно, как этот вопрос решался во времена Парижской коммуны? Придется с'ездить предварительно в Париж.

— Э, батенька! И без того публику не заманишь на общее собрание, а вы толкуете о мобилизации. Не знаете вы их, скотов! Им хорошая палка нужна, а не мобилизация!

— Простите, специального помещения не имеем-с!

— Вы не туда звоните! У нас учреждение по вопросам науки и техники.

— Заведующий сейчас на заседании. Кроме него, никто про массы не знает.

— Я понимаю, но если массы мобилизовать — придется ведь их в штаты зачислять, а нам и так предложено сократить...

— Постановить-то все можно! А они забыли, что у нас отчетность на носу.

— Я перехожу на новую работу...

— Уже пробовали. Только грязи натащили. Дайте сперва им калоши, а потом и созывайте!

— Помилуйте-с. Мы и так от очередей отбиться не можем! Зачем же еще новые массы?

— Аппарат испорчен, не работает!

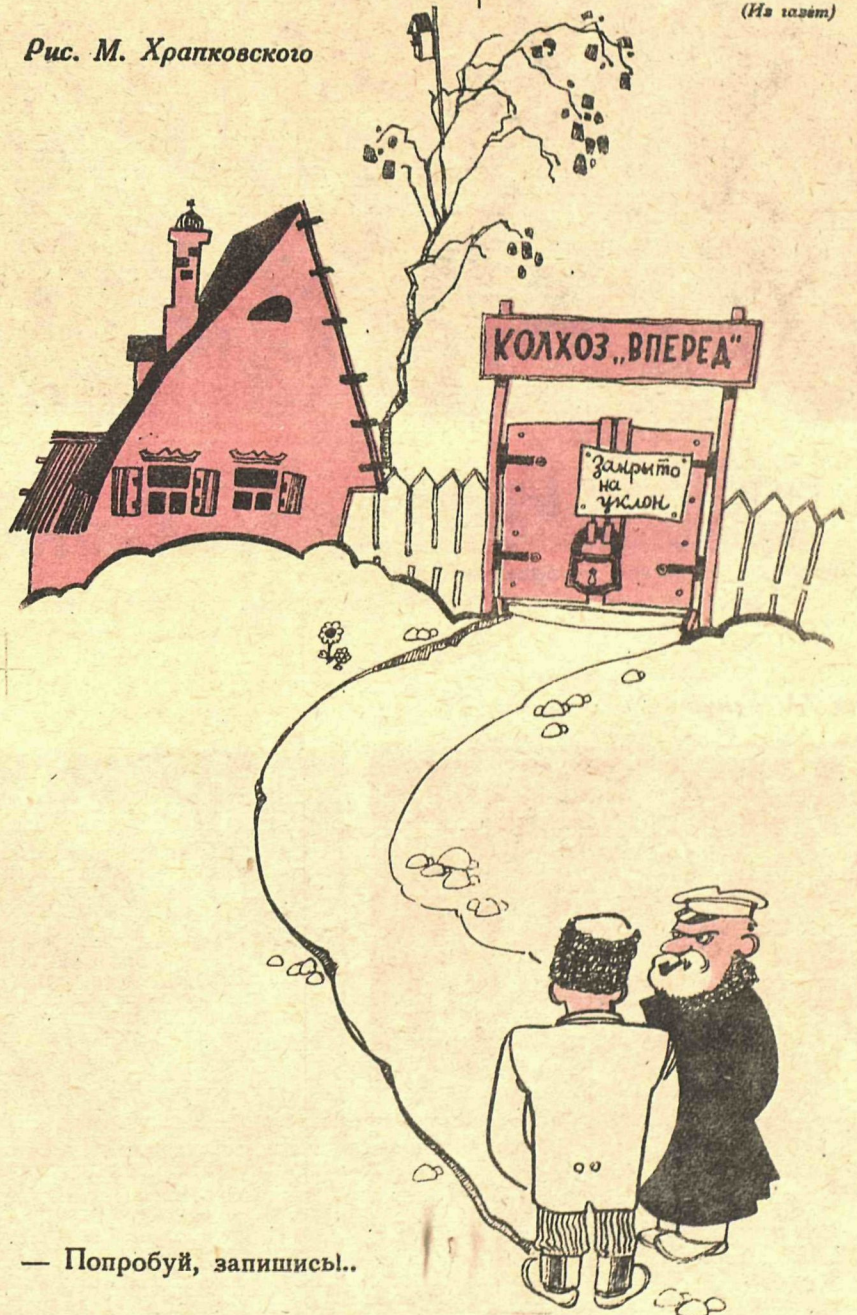
На этом мы положили трубку. Ясно, что вызывать по данному вопросу должен кто-то другой и совсем не по телефону.

О. Брандт.

В ряде районов под разными предлогами в колхозах закрыт прием новых членов.

(Из газет)

Рис. М. Храпковского

— Попробуй, запишись..

К 1 января 1931 года

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
ДОЛЖНА ИМЕТЬ
МИЛЛИОННЫЙ ТИРАЖ

ЧИТАТЕЛИ РАБОК! ПОСТОВОЙ!

Что вы сделали для того, чтобы этот боевой лозунг не остался только на бумаге?

Рис. П. Белянина

ОПОРТУНИСТ КАК ОН ЕСТЬ.

Говорит он языком кулака, слушает ушами обывателя, в голове приютились паразиты, а в глазах — тараканий испуг.

Рис. Л. Генча

— Почему у вас не было прорыва на фронте, — спросили хозяйственники у тов. Блюхера.

— Очень просто — ответил с улыбкой тов. Блюхер, — у нас не было дезертиров...

ПРОПАДАЙ, МОЯ ТЕЛЕГА!

(Плач оппортуниста)

...Умирает поэзия... Уныло и бесславно. И следа скоро не останется. Какая брешь в литературе! Чем заполнятся ее поредевшие ряды? Сколько плодов крылатой музы будет... тьфу! — «анну-ли-ро-ва-но»?

Кто, где и когда, скажите, споет «Догорай, моя лучина»? — когда Днепрострой, Волховстрой, Свирьстрой и прочие строи, им же несть числа, все и вся электрифицируют??

Кто вспомнит Некрасова или Никитина, певца сохи, ныне — увя! — сокращенной по рационализации и без выходного пособия. Разве ж трактор допустит?

Кто воскликнет: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно»?... «Вольно»... Горькая ирония! Не предполагал Николай Васильевич, что его Днепр будет хоть и чуден, но не волен...

Кого можно обмануть словами: «Тучки небесные... мчитесь вы с севера милого в сторону южную»?.. Пионер и тот скажет сейчас же, что это — юнкеры.

А что можно ответить Пушкину на его вопрос:

«Долго ль мне гулять на свете, То в коляске, то верхом, То в кибитке, то в карете, То в телеге, то пешком?»

Эх, Александр Сергеевич! Вам—что? Нам-то каково? Вы свое отгуляли, и нам не долго осталось. Сядет на нашу голову автомобиль,—поневоле запоешь:

«Пропадай, моя телега, Все четыре колеса...»

Впрочем, вместо этих строк досужие поэты, как это говорится, насобачат:

Пропадайте, Бенц и Опель, Все четыре колеса! (и одно запасное).

Умирает поэзия...

Подслушал:

100-врацкий.

КОЛПАКО-

ТАМ, где Арбат, где Смирная, где живет он в Мерта...

Василий Саввич Колпакчи Старинный дом Такой бесхитр...

Но все же, — пе Казаться лучи...

И крыша, тронутая И занавесочный уют Все говорит, что эде Мецане добрые живи...

Все говорит, че Дороден, важен Живет всеобщий Василий Саввич...

Он инженер... в тако Допустим, в тресте Всегда на самом диди Его ответственное...

Он инженер, ко Стране восприя Чтoб каждый он Рассчитан — ка...

Но волк, застигнуты И притворившийся р Он, втихомолку, неуж Повадкой волчьей од...

Ведь весь он пр И лет ему — в И наши боли в Ею не могут во...

И он не верит в пят И он поклепам даже Чтая польскую газету Или „Berliner-Tagebl...

И каждый выпя Враждебной вет Облюбовав, он и Жене и детям...

И проектируя проклад Насущных, якобы, п Он твердо знает ст Своих заносчивых ид...

Он твердо знае Лишь с виду на И сколько это И сколько може...

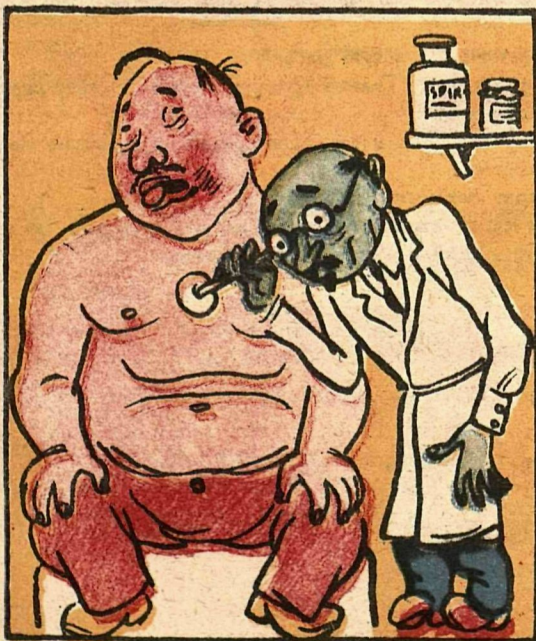
Он враг, без бомбы и Но настоящий все же И стройке нужное же Бездейственно в его...

И сталь, котор И неупруга и х И мост, котор Не устоит наве...

И, неважливый нары Такой бесхитростный Он все же передом и Замедлит рост наш...

Имея вытупки Для каждой ще Живущий в Мер Василии Саввич...

П Р О С Т О Е

не было симулянтов...

ПАССИВНЫЙ

ой и шулкий,
их шагов, —
переулке, —
ов.

лепным фасадом,
ный на вид,
дом и задом
и норовит.

хом,
неплохо
в этом доме,
толков,
наш знакомый
Соллаков.

то тресте,
паль-литья, —
и месте

рый важен
щих широт,
стик был прилажен,
дый поворот.

межданно
ым,
инно
ким.

илым изукрашен.
сорок пять,
осте нашем
новать.

летку
ад,
у
у.

пасквилль каждый,
и каждый плод,
же дважды
сречтет.

ки
ий,
мень шаткий

, как построить
бную гать,
дет стоить,
устоять.

бреза,
раг.
езо
ках.

о он плавит, —
пка,
он поставит, —
няка.

ом,
на вид, —
адом —
оровит.

штулки
и... Вот каков
вом переулке
Соллаков.

Иван Приблудный.

СТРУЖКИ С МАГНИТОСТРОЯ

ТРЕБУЮТСЯ РАСКОПКИ

О редких способностях некоторых администраторов Магнитостроя свидетельствует такой факт.

Для ускорения работ по овоощехранилищам отправили два экскаватора. Забыли только дать на дорогу уголь, и экскаваторы застряли на полпути.

Не пора ли пустить на Магнитострое такие экскаваторы, которые смогли бы выкопать ненужный административный балласт на строительстве!

ЯЧЕЙКА НА РЕДКОСТЬ

Ударничество на Магнитогорске растет необыкновенно. Рабкор Алло пишет:

«У нас в механической ячейке 52 партийца. Из них ударников—2».

Уже два! Целый один процент!

А остальные пятьдесят человек механической ячейки?

Остальные — не ударники.

Они, очевидно, в партии состоят... механически.

ФРУКТ

На Магнитострое произошел такой случай.

Одному гражданину, по фамилии Волгутову, предложили подписаться на заем.

— Вы до двухсот рублей выгоняете. Подпишитесь на индустриализацию страны.

Волгутов даже и в список не посмотрел. Отказался наотрез.

— Это, наверное, какой-нибудь вредитель, враг народа и вообще прохвост, — решили сборщики.

К счастью, Волгутов не слышал их слов. А то бы он, как член партии, мог обидеться. А может быть, и не обиделся бы? Кто его знает. Чуждая душа — потемки!

НОВОЕ В ДЕЛЕ ПИТАНИЯ

Общественное питание на Магнитострое поставлено довольно оригинально.

Недавно, например, повар Хохлов отправил на постройку доменных печей три термоса, наполненных вместо каши помоями.

А в дежурство повара Севастьянова механический цех обнаружил в термосе с супом... халат!

Более халатное отношение к делу трудно себе представить.

Неудивительно, если в один прекрасный день повара обявят такое меню:

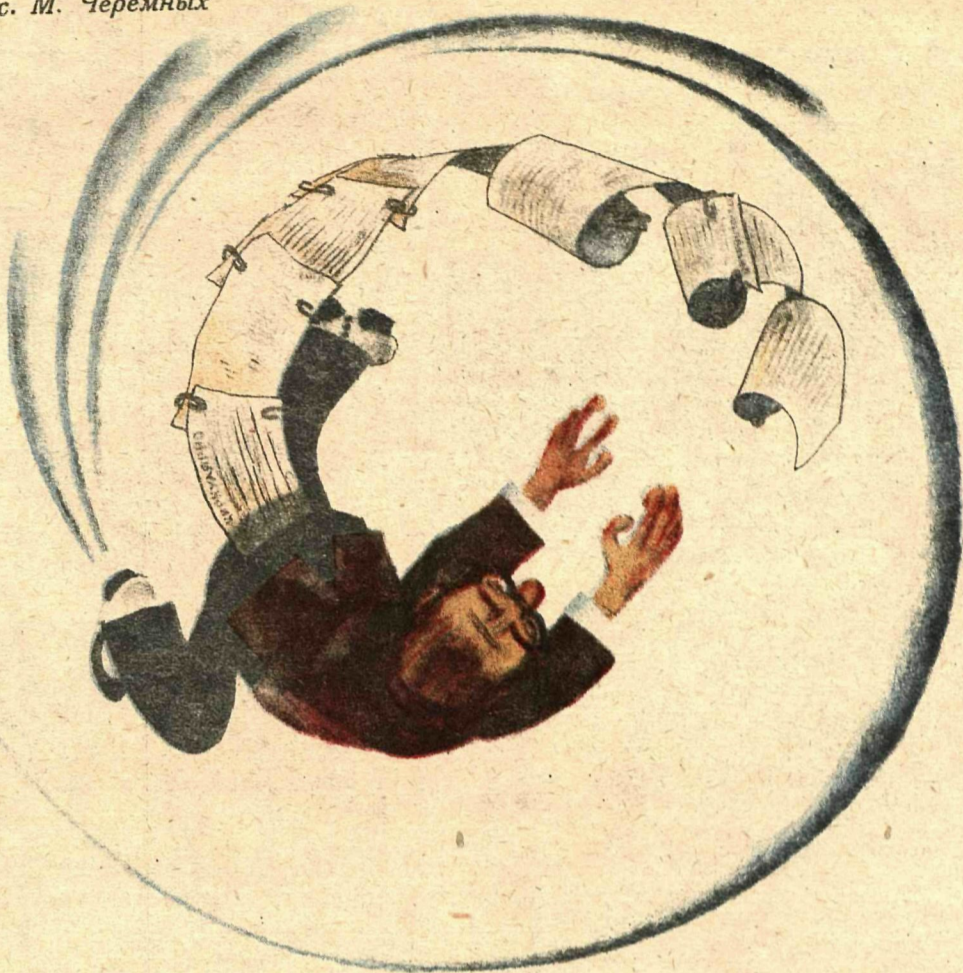
«Помои-коисоме».

Молодой халат по-магнитогорски.

Голубцы из портянок.

Запеканка из мух и свежих окурков».

Рис. М. Черемных

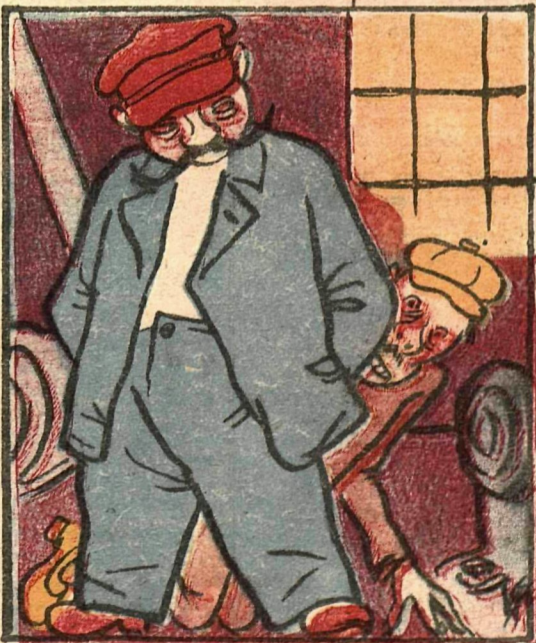

— Ишь борется с бюрократизмом, да поймать не может. Как бы ему помочь?
— Очень просто: наступить на хвост!

СРЕДСТВО

...перебежчиков...

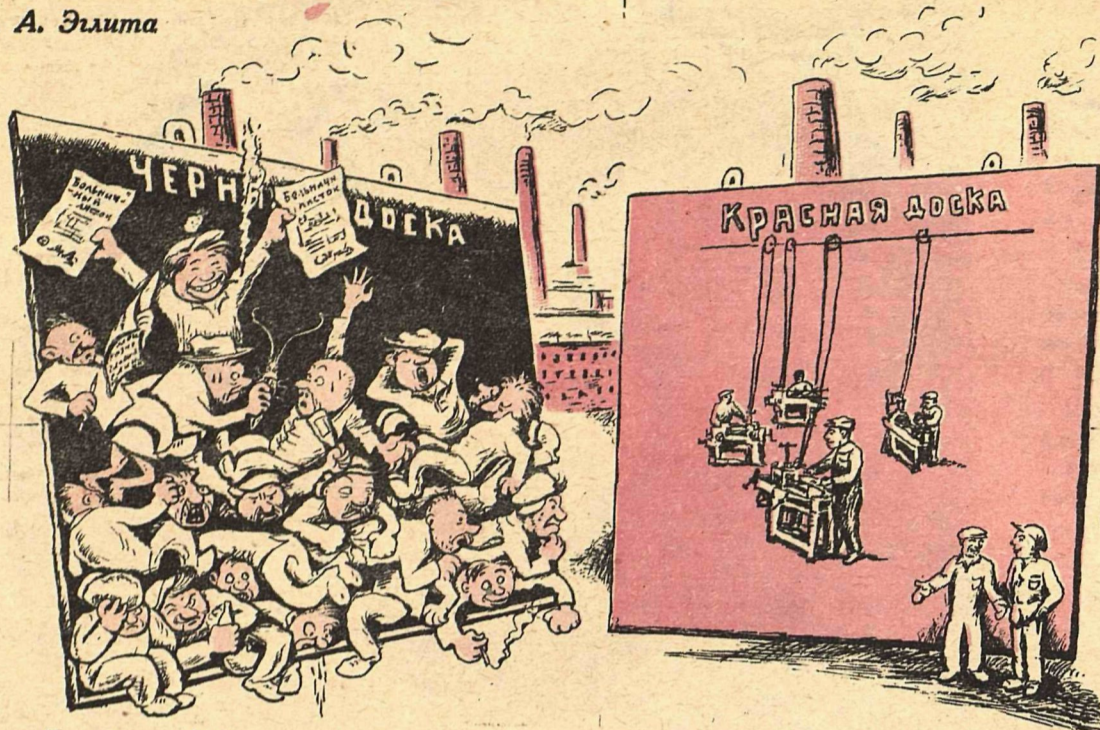

никто не прятался за спину другого,

а главное — все были ударниками.

Рис. А. Элита

— Безобразия! Там люди, как сельди в бочке, набиты, а здесь, рядом, — свободная жилплощадь.

ЗА УШКО ДА НА СОЛ-
НЫШКО

В Ульяновском округе, Чудамлинского района, заведующий хозяйством животноводства Волмов на протяжении 5.000 га силосовал и сгноил все сено. Скот в Чудамлинском совхозе и ныне остался без корма.

(Из письма рабкора)

„Пахнет сеном над лугами“:
В копнах вонь, смердят стога,
Пар клубится над стогами...
Погребли 5 тысяч га.
Хорошо силосовали!
— Силосовано? —
— Принять!
С Волковым согласовали,
Сила сована
На-ять!
Если ж выйти по росе нам,
Воздух дьявольски плохой, —
Пахнет вовсе здесь не сеном,
А навозною трухой
„Будет в зиму испытанье, —
Скот рогатый голосит, —
Все до тла снижет питанье,
Голод нас зимой скосит“.
Видя жуткую картину,
Промурлыкал серый кот:
„Если зав забыл скотину,
Значит, сам он суший скот“...
По стогам грустя зеленым,
Волков темпы проглядел...
Что с ним? — болен он уклоном,
Уклонился ли от дел?

История
Ремонта
одного
комната
(Рассказ пострадавшего)

ВЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ нашего жилтоварищества знаете?

— Нет? Ну, я так и думал, что нет...

Ну, так вот. Захотел это он, конечно, квартиру себе подновить, ну, словом, покрасивше жить захотел.

Ну, вот, раз-раз надумал, собрал собрание и говорит:

— Так и так, дорогие товарищи, надумал это я, значит, кредит, значит, в совете просить, на ремонт нашей, значит, усадьбы. — Это поговорка у него такая — значит, да значит.

Известно, и солнце не без пятен. Ну, так вот. Все это, значит, с удовольствием, потому каждому до кого не доведись, жить получше хочется. Решили, значит, всемерно содействовать столь жизненной идее.

Начал наш председатель хлопотать. Так, можно сказать, старался, — страсть! Выхлопотал.

Собрали опять собрание, а тут-то и выйди промах. Вот, подишь ты, кажись я в очках был, а не досмотрел. Выбрали эту самую строительную комиссию... Да-с... выбрали... А в нее возьми да и проткнись незавидная такая личность, слесаринко заводский Чернов. Может, знаете? Как он попал, пес его знает. Председатель наш хлопотал, хлопотал, а его, пожалуйста — контролировать будут. Да вы взгляните на нашего председателя, взгляните хорошенько... Солидное такое лицо и очки, как у меня, только в настоящей серебряной оправе. Видный, одно слово, мужчина. Раньше он овчинной торговал, он сам мне по тайности признался. Человек положительный. Просто о контроле даже довольно странно слышать.

Ну, ладно. Календарь обрывает, подметки снашиваем, я к куму съездила на денек, идет время, значит. Начали, господи благос... ну, начали того,

гм... гм... начали. Кровельщиков привезли. Крышу кроем спервоначалу. Председатель наш выпил, это значит, с кровельщиками. Что, значит, обходительный человек-то. Ладьте, мол, крышу получше, которая надо мной. Понятно, даром стараться никто не будет. Ладно, покрывли, стали крыть слесареву, а он тут как тут, с самокритикой своей и вылез.

— Тут, — говорит, — не так, тут не так. Плохо, — одно слово, — мне кроете. Председателю лучше крыли. — А те, видно, выпивши были, или нянька их маленьких обо что ударила, возьми да и бухни:

— Председатель так велел.

Ну, личность наша и на дыбы.

— Как? Что? Почему? Я член строительной комиссии, не приму такую крышу... — Кричит... орет... Срамотище!:

Вышел тут наш председатель, живо смекнул, в чем дело:

— Кройте, — говорит, — ему, сукину сыну, как и мне.

А кровельщики к нему:

— Мы, — говорят, — так не ладимся. Работы больше. Ставь четверть.

Разошлись тоже подходяще, не уймешь. Еле-еле на двух бутылках прибавки сладились.

Ладно. Кончили. Крыша, что надо...

Дальше. Начали венцы менять. Ну, наш председатель думает: «Тут, может, что для общей пользы сэкономлю». Все плохие бревна у себя поместил мелом, а к слесарию сам пришел метить. Все ремонту меньше. Ну, куда тут! Опять скандал. Опять — «почему?», а плотники опять на председателя: он, мол, слесаря-то дома не было, когда председатель его венцы метил. Плотники тоже люди без всякой тонкости, сроду, видно, дурью мучались. Им что, а тут ешь и пач-

кайся за них. Опять расстройство председателю вышло.

Ладно, утомонились, наконец. Еще три бутылки прибавили. Снутри дело пошло. Председатель осерчал. Суровый такой стал, прямо беда.

Стал он свои подоконники на-ново все перемечать, а к слесаришке смотреть пришел в обед, дома когда он. Ну, и говорит: «Этот терпит, этот, — говорит, — терпит, этот закрасится». Ну, другой бы и смолчал. Нет, опять раздор.

— В третий раз, — говорит, — товарищ Толстопятов, замечаетесь в недобросовестном отношении к имуществу общества нашего.

Ишь, что пропел! И этак спокойно, знаете. Чай, и горюшка ему мало, что человека обижает. Наш ли уж не старался. Все он. Везде он.

Да ведь поговори с таким стрикулисом. Он тебе скажет.

Ну, ладно, кончили ремонт.

Стали перемещение делать. Жилец один у нас уехал на родину. Председатель на собрании и повел плант в эту комнату жильца от себя переселить. Ругаются они промеж себя очень. Конечно, человек думал: авось почувствую благодарность, и дело сладится. Не тут-то было. Слесаринко наш ни в какую.

— Дураки, — говорит, — мы будем, если это допустим. — Вишь ты, самый умный выскался. — Надо, — говорит, — по правде делать. Моего, — говорит, — соседа многосемейного туда поселить. Комната порядочная. А председателю нашему, товарищу Толстопятову, если работать даром нет охоты, как это замечается, так он может и отказаться совсем. Никто не заплачет...

Главное, то досадно — все молчат, а он поет, а он поет.

Ну, уж тут он, конечно, председателя за живое задел. Тот и говорит:

— А коли так, так и выбирайте другого.

Шапку в охапку да и вон.

Все это, вроде, испугались... Чего, говорите, испугались-то? Да уж очень серьезно он это сказал. А наш мутьяи-то и говорит:

— Скатертью дорога. В комнате воздух чище.

И вот теперь он председатель-то. Чернов-то.

Ну, а только какой это председатель? Все норовик по правде. Да разве правдой-то проживешь?

Нынче вот сидим мы с тов.. Толстопятовым, выпиваем, то бишь, в шапки играем, а он мне и жалуется:

— Раньше, Филатич, много лучше было. Каждый свое место знал. А теперь, прости господи, всякая шваль всюду нос сует. До всего дело ей!

И правда чистая и есть. Вот и меня тоже из секретарей выбросили, да и новый-то наш «подлипалой» называл. Здорово?

— Да...

Впрочем, новость-то какая... Прихожу вчера домой, а жена и говорит:

— Ты знаешь, новый-то наш в партию записался.

Я так и присел.

— Да не может этого быть!

— Верно, — говорит, — общественный факт.

Тут я опять и подумал враз: вот что творится на белом свете! Где она, правда-то эта самая? Где, спрашиваю?

А все-таки, промежду прочим, надо будет с новым-то начать кланяться. Сосед, можно сказать, все-таки, неудобно как-то, знаете...

Эх, дела делишки, господи...

Дожили, можно сказать, с этими порядками!

М. Зогов.

(Люберецкий завод).

УДУМАЛИ...

Качество массовой работы в бакинском управлении Нефтефлота уже давно вызывало скорбь у местных профработников.

— Чем заинтересовать массы? Чем спасти их от смертной тоски на собраниях и удержать от бегства? — мучились профработники.

И, наконец, придумали. Вынесли такое постановление:

Непосещающим и ушедшим с собрания объявить бойкот и предложить местному учесту дезертиров при распределении мест, как в дом отдыха, санатории, выдачу талонов и проч.

— Хорошо бы вырывать ноздри, — мечтают профработники, — или подвешивать на дыбе!

Простая мысль — сделать работу содержательной — им не приходит в голову. Не приходит — боится, очевидно, войти в темное и пустое помещение.

БЛАГОДЕТЕЛИ

Недавно колхозы Матвеево-Курганского района были поражены отеческой заботливостью Севкавказсоюза.

Он им срочно сообщил, что Таблицы планов осенней посевной кампании нами в типографии печататься заказаны и в ближайшее время вам будут разосланы в достаточном количестве.

Правда, посевная кампания уже прошла. Но все-таки лестно! Планы печатаются в типографии и будут разосланы в достаточном количестве! Может быть, даже хватит на обложку мест общественного пользования!

ПРОПАЖА

На дверях ФЭК в типографии Смирнова в Смоленске вывешено следующее объявление:

Бюро шеф. общества печатников разыскивает безвестно пропавших членов бюро тов. Мандрика — изд-во «Рабочий путь», тов. Фролову — тип. Смирнова и тов. Мовчинского (к сожалению, самого председателя бюро) — тип. БВО. Нашедших просьба доставить на предстоящее заседание бюро на 18 августа в 5 час. веч. в помещение облоддела печатников. Нашедшим вознаграждение.

Оставшаяся в живых группа членов бюро в составе 2 человек.

С подобной ленивой компанией Поступить надо более жестко! Доставить их не на заседание, А... на черную доску.

Ф. Б.

ЩЕДРЫЕ ЭКСПОРТЕРЫ

Новоэкспорт (Москва) активно борется за увеличение экспорта. Ученики учебной кузницы Нахичеванского пограничного отряда собрали и отправили в Новоэкспорт 20 килограммов копытного рога (ценнейший экспортный материал). Расходы по отправке составили 80 коп., а Новоэкспорт прислал за 20 килограммов 68 копеек.

Щедрые люди сидят в Новоэкспорте! Щедрые, но недогадливые. Не догадались себя на утильсырье обратить. А была бы двойная выгода государству. И утильсырье для экспорта стало бы больше и головотяпов в аппарате — меньше.

КРОКОДИЛ НА ЗАКУСКУ

Ростовское (Ярославского округа) ЦРК, видно, огорчено, что «Крокодил» посвящает ему мало внимания, и принимает все меры к тому, чтобы красоваться на наших страницах. Удовлетворяем это законное желание:

Продукты в столовых ЦРК хранятся в ларях, в сараях и даже рядом с уборными и помойными ямами (столовая ЦРК № 2).

Помещения столовых антисанитарны, клеенки на столах грязные и своевременно не моются (та же столовая). В щелях столов водятся черви (детгородок).

Причина, видимо, в том, что и в аппарате ЦРК водятся черви, подтачивающие работу народного питания. Заморить бы этих червяков раз и навсегда.

Л. М. Л.

Рис. П. Белянина

— Странно. Мы тоже хотим играть на советской сцене, а нам говорят, что наша роль давно сыграна.

«СПРАВКА НА ПРЕД'ЯВИТЕЛЯ»

Новосильцевский сельсовет выдал 18 августа с. г. за подписью председателя Бычкова, такой документ:

СПРАВКА.

Дана Новосильцевским сел. сов. гр. дер. Ховрино, Пролетарского района, в том, что он не имеет сельского хозяйства, и ничего не имеет, как бедняк.

Печать.

Подпись

Действительно, ничего не имеет, даже... фамилии и имени. По крайней мере, в справке таковых нет.

Как сообщает фабком «Пролетарской отряды» (ст. Хлебниково), такие «справки на предъявителя» встречаются часто.

Так работают прилежно Грамотные мужи. Что тут: только ли небрежность Или что похуже?

Ар.

ВРАГ ПРИКАЗОВ

Со ст. Жуковка, М. Б.-Б. ж. д. пишут:

Замнач станции, он же начальник пожарной дружины Гядвилно, получил приказ по дороге за № 1036 о ремонте пожарного инвентаря. Просмотрев приказ, Гядвилно наложил на нем резолюцию: «Товариному кассиру». Когда товариный кассир спросил у Гядвилно, что ему делать с приказом, последовал ответ: «Пусть лежит, как бумага».

Оценка приказа — на 100 процентов головотяпская.

Как оценить самого начальника пожарной охраны, сказать затрудняемся. Вернее всего — он ничего не стоит.

«СЛУЧНАЯ ИСТОРИЯ»

Из Россошанского округа нам пишут:

В Лебединский совхоз для случайной кампании прислали обсеменителей по искусственному обсеменению. В свою очередь обсеменители вызвали практикантов, те — технических работников, и всего по этому делу собралось 10 человек.

Вся эта братия, получая не менее 100 руб., ничего не делает и слоняется из угла в угол, так как.. НЕ КУПИЛЕН ЕЩЕ БЫК.

Итак, тут нехватает пустяка:

Быка.

Пока ж его там закупают,

Другие свой карман «обсеменяют»...

Ф.

НЕ ИСПОЛНЯЙ!

В одно прекрасное утро Крым-Элийский сольпромысел получил телеграмму от своего непосредственного начальства — керченской районной конторы.

Телеграмма гласила:

Сарабуде мельница Союзхлеба осмотрите дымогарные 42-километровые точки годности сообщите КЕРЧ-СОЛЬ.

Наивные работники бросились исполнять срочный приказ, но не успели они «сообщить о годности», как Керчь разразилась еще одной бумажкой:

Усматривая из приказа по промыслу за № 88а, что 24/IV с. г. в Сарабуз был командирован тов. Малафеев для осмотра и покупки дымогарных труб, сообщается для сведения и руководства в будущем, что в городе Симферополе имеется представитель н/треста, который мог бы вполне выполнить эту работу без всяких командировок. Управ. ЛОСЕВ. Деловод ЛАНСКОЙ.

Итак, Керчь сделала выговор за исполнение своего же приказа. И правильно. Работники промысла обязаны знать, что в Керчсоли сидят головотяпы.

Л. М. Л.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на самый распространенный журнал юмора и сатиры

КРОКОДИЛ

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ „КРОКОДИЛА“ ДОЛЖЕН СТАТЬ ЕГО ПОДПИСЧИКОМ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: В МОСКВЕ — в гл. конторе изд-ва „Правда“, Тверская, 48. В ПРОВИНЦИИ — отд. изд-ва „Правда“, почт.-телегр. конторами СССР и контрагентствами по распространению период. печати.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА — 40 КОП. В МЕСЯЦ. ● ЦЕНА ОТД. № — 15 КОП.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

— Ну что, ликвидировал прорыв?

— Нет... Но зато какие я придумал объективные причины, по которым его ликвидировать нельзя, — пальчики оближешь!

С В О И Л Ю Д И

НИКОЛАЙ Иванович Блажнов — тихий и скромный совслужащий, хотя и занимавший крупное место с хорошим окладом, — был доволен всем: и своей работой, и комнатой, и женой. Но жена его, Софья Борисовна, стремилась к блеску. Ей хотелось, чтобы у нее бывали ответственные работники, чтобы комната была озарена сиянием их присутствия. Она долго требовала от Николая Ивановича доставки ей на дом этих ответственных товарищей, но как-то все не выходило.

Сегодня Николай Иванович пришел с видом довольным и успокоенным:

— Сонечка, я решился! Позову к

нам как-нибудь вечером самого товарища Распределяева!

Сонечка даже подскочила:

— А пойдет?! — с сомнением в голосе спросила она.

— Почему же не пойдет? Должность у меня не маленькая, на заем я подписался, чистку прошел, на собраниях выступаю, голосую «за», проявляю активность, — почему же он не пойдет?

— Боже мой, как хорошо! Только надо заранее подготовиться, а то может неловкость получиться: ведь партийного ответственного товарища при-

нимать будем, это не то, что какой-нибудь Стегунов...

— Что ж особенно-то готовиться? Комнатка у нас чистенькая, все в порядке! Вот только разве папу-маму твоих со стенки снять да дядю Петю куда-нибудь подальше под диван сунуть.

— Совсем незачем! Они несколько не мешают, тем более, что вместо них повесить некого...

— Однакоже, Сонечка, папа с медалью, а дядя Петя и вовсе в полковничьем мундире и в при орденах... Да и мама того... прямо надо говорить, — не подходящая к случаю мама!

— Ничего ты не понимаешь, Коля! Так гораздо лучше. Расскажу, что папа работал в переодетом виде в денкинском подполье, а мама, его укрывала, за что они оба и были зверски растерзаны злодейским палачом дядей Петей.

— Ну кто же, Сонечка, злодейских палачей в комнатах вешает!

— Ничего ты не понимаешь, говорю тебе! Висит для возбуждения ненависти к мировой буржуазии, — вот и все.

— Да, но это же рассказывать надо, так не поймешь сразу-то!

— И хорошо, что рассказывать. По крайней мере с этого разговор начну. Тут и со слезой можно и с гражданским долгом, — сразу произведу впечатление. А потом уже перейду и к... Да, самое главное-то и забыла спросить: а у товарища Распределяева есть этот, как его? — ну, как он называется? Еще в разные стороны бьвает и в него впадают?

— Не знаю, Сонечка, про что ты говоришь... Автомобиль, что ли?

— Фу, какой ты бестолковый! Ну, кто же в автомобиль впадает? Ну, этот самый! Еще есть главная опасность... Ты же сам мне рассказывал, когда про сезд читал...

— Ах, это ты про уклон.. Не знаю.. Может быть, и есть у товарища Распределяева уклон, только я не знаю...

— Как же ты главного-то не узнал?

— Зачем же тебе, Сонечка, уклон?

— Для разговора уклон необходим. Представь себе, что у него правый уклон, — разговор сразу завяжется: «Да, знаете, тяжелое время переживаем! До чего большевики довели, прямо сказать нельзя! Везде очереди, очереди! За маслом и к частнику не достоишься! Хозяйственных мужичков уничтожили, везде колхозы, кооперация не справляется, частников нет, извозчики бешеные цены заламывают — и правы, — овес-то почему?» Ну, он и поддержит. Так и пойдет, так и пойдет: «Заводы строят, а шелковую подкладку во всей Москве не купишь, ботинки по ордерам!» Мало ли общих интересов найдется!

— Гм... А если у товарища Распределяева левый уклон

— Левый? Тогда то же самое: «До чего большевики довели, прямо сказать нельзя. Везде очереди, очереди! Опираются на какую-то середноту, кулаков распустили совсем, за маслом к кулаку не достоишься, на деревню не нажимают, из-за границы какие-то машины везут, а за шелковой подкладкой хоть всю Москву избегай, — не найдешь нигде!»..

— А если ни правого ни левого нет, — тогда что?

— Тогда тоже просто, — значит, примиренец. То же самое получается в разговоре: «До чего большевики довели: к маслу приступа нет, овес-то почему ноне? За шелковой подкладкой всю Москву избегай, заводы строят, а ботинки по ордерам, кооперация не исправляется, всюду очереди!» Ну, и так далее. Дальше уж легко.

Николай Иванович наморщил лоб и нерешительно сказал:

— Знаешь, Сонечка, мне кажется, что у товарища Распределяева вообще нет ничего: ни правого уклона, ни левого загиба, ни примирения. Просто, он обыкновенный партийный товарищ и больше ничего!

— Ну, о чем же я тогда с ним говорить буду? — возмущалась Софья Борисовна. — Никаких общих интересов нет.. Ты вот всегда так: у Стегуновых бывают такие, с которыми и поговорить можно; у Андроновых — тоже, даже у Плаксиных бывают, хоть он и чуждый, а к нам обязательно бог знает кого звать? Спасибо тебе за такого товарища! Сам с ним разговаривай!

Л. Е. Пешкин.

Приспособившись...

НЕБОЛЬШАЯ, но противная компания правых оппортунистов вела разговор о трудном своем житье-бытье.

— Теперь каждый пионершкa разбирается и кричит: «Плавый уклон, плавый уклон!..»

— Беспартийные, и те морду воротят.

— А раньше-то! Жили, как хотели!

— Главное, мне не нравится это самое — «несовместимо с пребыванием в рядах».

— Нужно ловчить.

— Определенно! Я, например, помалкиваю себе в тряпочку и никаких!

— Помалкивать — не годится. Нужно от поры до времени высказываться. Я каждую декаду даже резолюции провожу. Каленым, дескать, железом нужно выжигать правый уклон!

— Резолюции — это напрасно. Сколько раз я вам говорила, — делайте, что хотите, но не оставляйте документа, не оставляйте следов!

— Но ведь против правого же уклона?

— Мало ли что! Из документа как бы чего не вышло.

— Можно признать неточную формулировку, ошибку. Не впервой...

— Не очень-то стали доверять покаянию. Работай, говорят, докажи!

— Да, с работой плохо. Требуют и требуют.

— На объективные обстоятельства сослаться можно.

— Не помогает. Я больше уповаю на переписку. Заведешь канитель и ладно. Главное в нашем деле — терпение и выдержка. Раз пристанут, два пристанут, смотришь, — позабудут и чем-нибудь другим займутся. Ты только знай соглашайся, не противоречь. Да, да, мол, в ближайшее время будет сделано...

— Суeta тоже помогает. Можно развести заседания, собрания, вообще шум. Даже под флагом борьбы с оппортунизмом. Поваландаешься месяц-другой, а там, глядишь, от тебя отстанут, на другого навалятся.

— Дела не делай, и от дела не бегай!

— Вот именно! Самое трудное, конечно, выдвиженцы. Без выдвиженцев никак не обойдешься. Но и они могут пойти на пользу. Посади какого-нибудь малограмотного сторожа главбухом и ссылайся: «не можем представить отчет, — выдвиженцы не справляются».

— Ну, а темпы?

— Бег на месте знаешь?

— Разумеется.

— Ну, вот и показывай видимость, что ты бежишь полным темпом, а сам ни с места. Мне нужно было по программе провести шесть заказов, а я сделал их десять, но заказал их таким предприятиям, которые не выполнят. Перевалил ответственность и — дело в шляпе!

— А если припрут к стенке?

— А ты не засиживайся. Помни, что учреждений много, а ты — один. Переходи почаще. Ушел — и концы в воду.

— Ну, ребята, я совсем с вами заболтался. У нас в семь проработка с'езда. Не опоздать бы...

— Прорабатываешь?

— Приходится. Без этого нельзя. Мне сегодня как раз время опять проводить резолюции о борьбе с оппортунизмом.

— Ну, валяй! Смотри только. Все-таки документ.

— Ничего не поделаешь. Трудные для нас времена. Пока.

— Всего...

И компания, охая и кряхтя, разошлась приспособившись.

От автора. Надо признаться, что запись всего разговорчика сделана мною не совсем точно. Компания выражала свои мысли более деликатно по форме, но по существу именно так, как записано.

Б. Самсонов.

Рис. К. Ротова

К ТИХОЙ КИНОПРИСТАНИ

— Ух, где-то, видать, крепкая чистка идет! Сколько сюда народу бежит устраиваться!

ПТИЧКА - ОПОРТУНИЧКА

— Ишь, как Канареечкин петь насобачился! Привык, подлец, постоянно подпевать администрации.

НЕПОДВИЖНОЕ КИНО

В ОДНО прекрасное презеленое утро (дело было в конце августа, когда деревья еще зелены), в Фигинский район прибыли два человека: один с чемоданом, другой с киносъемочным аппаратом.

Они первым делом прошли к воротиле фигинского отделения Союзхлеба:

— Я — режиссер Союзкино!

— А я — кинооператор!

— Мы приехали заснять ваши хлебозаготовки для специальной культурфильмы.

Союзхлебный воротила Иван Андреич Топтыгин медвежливо протянул обоим киношникам руку и опасливо спросил:

— Снимать, говорите? А у вас есть с'емочные удостоверения?

И, просмотрев удостоверения подозрительных киноличностей, протянул:

— Ну, что ж, пожалуйста, начинайте.

Когда кинодеятели вышли из помещенья, он немедленно вызвал секретаря и долго с ним шептался:

— Как вы думаете, Петр Львович, не кино ли ревизия это к нам прибыла? Вы там распорядитесь, чтобы все подмели кругом как следует и замки повесили, так-то спокойнее будет.

Оператор в это время уже крутил ручку аппарата.

Вскоре культурфильма о фигинских хлебозаготовках была готова. В понедельник ее просматривали общественные организации.

Когда погас в зале свет и затрещал аппарат, зрители превратились в тару для громадного удивления. Какой-то кинокритик крикнул:

— Что за чорт, что за новая форма кино?

Удивленье было вполне законным. Фильма «Фигинские хлебозаготовки» была совершенно оригинальной и своеобразной картиной. Ничего подобного зрители еще не видали. В ней не было самого главного, чем наполнена обывковенная кинофильма: движения. Никто в ней, на протяжении пяти частей, не бегал, не ходил, не топтался... Все стояло, сидело, лежало, спало, висело и дремало. Во всех частях стояли безнадежно дырявые сараи, лежали под открытым небом кучи зерна, спали на подводах крестьяне, дремали в конторах спокойные хлебозаготовители. Дымя в небо, как спокойные прогульщики, на всех парах стояли на запасных путях паровозы.

— Ну, и ну! — говорили на дискуссии после общественного осмотра «Фигинских хлебозаготовок». — Совершенно новая картина. Это и не звуковая фильма и не обычное велико-немое кино.

— Нет, тут это совсем другое... — Это — неподвижное кино!

— Ничего подобного, протестую! — крикнул с места воротила фигинских хлебозаготовок. — Не все здесь неподвижно: а самотек вы забыли?

Павел Черенков.

ОБРАСТАЮЩИМ

От них тошнит иной раз тут,

Чтя правый образ, тают,

Одни от темпов дня растут,

А эти — обрастают.

Мих. А.

ТОВАРИЩИ, защитите!

Не жалея сил своих, мы, руководители Апшеронского лесозавода, что в Северокавказском крае, трудимся на фронте строительства социализма.

Кому не ясно, что за нашу полезную деятельность мы заслуживаем только благодарности? И тем не менее, находятся люди, которые не могут отнестись к нам с должным уважением и вопросами нелепыми и делами мелочными пытаются бросить на нас тень — отвлечь нас от нашей огромной работы.

Представьте себе: наши мировые размахы, грандиозные масштабы и, наряду с этим, какие-то мелочные вопросы, вроде снижения какой-то себестоимости!

— Ну, как у вас со снижением себестоимости? — спрашивают эти люди, не иначе как вредители.

Мы вежливоенько этак отвечаем на их вредительские вопросы:

— Да, так себе.

— Это как же понимать? Значит, снизили?

Мы отвечаем: — Нет.

— Так что же она у вас тогда? Повышается?

— Да нет же.

«Господи! — думаем, — да скоро ли они, наконец, отвяжутся?!»

Но они не отвязываются.

— Не повышается? Ага, она у вас, значит, тогда на одном уровне?

— Нет, тоже нет.

Здесь вредители приходят в смятение.

— Так что же она у вас тогда? И не снижается, и не повышается, и не стоит на одном уровне? Так что же?

Приходится им объяснять (обратите внимание: сознавая, что в это время все наше грандиозное дело стоит, мы терпеливо удовлетворяем вредительское любопытство), что ни снижения себестоимости, ни ее повышения и ни стояния ее на одном уровне у нас действительно нет, так как у нас нет вообще и самой себестоимости.

Здесь вредители эти начинают кричать, что это — чорт знает что такое, что за это нас надо на черную доску, что за это надо бичевать и тому подобные неприятные и несправедливые вещи.

Мы самым решительным образом протестуем против такого наглого к нам отношения.

Нужно почтить таких полезных строителей социализма, как мы, и всякие вредители, которые разными мелочными вопросами, вроде снижения себестоимости, стремятся отвлечь нас от нашего грандиозного дела, и должны быть строго наказаны.

Дело, ведь, товарищи, не в снижении себестоимости каких-то шпал (наш завод выпускает шпалы, правда, не для пути к социализму, а так вообще, главным образом для экспорта), себестоимости которых мы до сих пор, заявляем открыто, до сих пор еще не высчитали, а в том величайшем размахе, в тех величайших грандиозных масштабах, которые характеризуют нашу работу.

И без снижения себестоимости мы успешно строим социализм, что хотя бы видно из цифр выполнения промфинплана этого года: выполнено к настоящему моменту (с начала этого хозяйственного года) 53 процента прошлогоднего годового задания, и есть большие шансы, что к концу пятилетки этот план мы выполним на все сто процентов и даже, может быть, с некоторым превышением, но все это только в том случае, если теперь же оградят нас от всяких необоснованных и мешающих работе вопросов рабочих завода, которые тем самым наносят непоправимый вред всему строительству социализма.

И вот мы обращаемся к вам: защитите!!!

С. Волк.

УРА!!!

Гремите, трубы и литавры! Бей в барабан! Луни в набат!

Героям — туш! Героям — лавры! Героям — славы водопад!

Отныне тщетных нет стараний, не нужно тратить профазарт: открыт для кворума собраний запатентованный стандарт.

Где? Кто изобретатель этот? Весь свет быть должен с ним знаком.

В Сибири найден этот метод. В Рубцовске. А герой — местком.

Сибирь. Рубцовск... Вот так и знайте! В газетах дать его портрет!

Теперь с вниманьем прочитайте, в чем профактивности секрет:

Местком коллективов адмоддела, гормилиции и домава «согласовал» с администрацией следующий способ для кворума собрания: администрация в служебном порядке под страхом взыскания назначает строевые занятия, а когда все соберутся, и прибудет местком, — занятие отменяется и состоится собрание.

Вот это способ! Вплоть до поту! Активность в массы вбить пора!

Местком, на эту профработку вопни истинное «ура»!

Вот незабвенные моменты! Все профпотуги — кувыркот! Месткомцам, срочно монументы! Зарегистрировать патенты! Дать тыщу метров киноленты! Активность — экстра: 100 процентов! Ура! Сто раз — ура, местком!

Ура!

А. Стоврацкий.

СООБЩЕНИЯ „КРОКОДИЛА“

25 сентября в 7 час. вечера открываются занятия в кружке рабочих **КАРИКАТУРИСТОВ** при „Крокодиле“ (Тверская, 8, 4-й этаж).

Курсы будут готовить карикатуристов для стенгазет и массовых журналов.

На курсы принимаются исключительно товарищи, связанные с производством.

При записи необходимо представить свои рисунки.

ВНИМАНИЮ РАБОКОВ И РАБОЧИХ, ЖЕЛАЮЩИХ РАБОТАТЬ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ САТИРЫ

При редакции „Крокодила“ открыта литературная консультация по сатирическому фельетону (в прозе и стихах), по темам для рисунков и по малым формам сатиры и юмора (мелочи, остроты, заметки, сценки и т. д.). Консультация будет работать по 3, 7, 13, 17, 23, 27 числам каждого месяца с 3 до 5 ч. дня.

Консультанты: Н. Иванов-Грамен, Вас. Лебедёв-Кумач, Л. Митницкий и В. Павлов.

„БОРЬБА С ПРОСТОЯМИ“

„В остром недостатке рабочей силы имеется положительная сторона. Если бы рабочей силы было достаточно, городское строительство Воронежа из-за северного снабжения материалами страдало бы от простоев“.

Из доклада строителей на пленуме Воронежского горсовета

I

Говорят прорабы грустным тоном,
Горькому строительству под стать:
— Доски предлагаете?—На что нам!

Прежде надо —

Плотников достать.

II

Говорят прорабы равнодушно,
Вид у них спокойный и простой:

— Плотников строительству
не нужно—

Досок нет—получится простой.

III

— Доски предлагаете!..

Однако,

Нет, как прежде, плотников у нас!

То есть — „у попа была собака“—

Старый нескончаемый рассказ.

В. Моголь.

Д Е Л Я Г А

Затылок крепок у него,
И лоб весьма отменный,
Надулась кровь его Невой,
Набухли кровью вены.
Стремителен его полет
По небу современия!
Он сто командировок в год
Осуществлял... Не менее!

Рис. Ю. Ростовцева

Кипуч и на решения скор,
Он говорил так часто:
— К чему дискуссия иль спор?
Прикажут мне — и баста!
Теория — не для меня!
Профессором я не был.
Я все бы книги променял
На лишний центнер хлеба!
Ну, Сталин, знаю я, не зря
Над книгой тратил силы.
А мы... Куда в калашный ряд,
С суконным нашим рылом?!
И, округливши важно рот,
Цедил он не без гордости:
— Не раскрывал я книги год,
А в деле эких гор достиг!
Вот в деле я, все знают, яр!
А книги... Эко диво!

По мне — лишь был бы циркуляр;
Была бы директива! —
И верно...
Циркуляр ценя,
Он в рвении не был шаток
И директивы выполнял
Он... вплоть до опечаток!

Р. Р.

Рис. С. Вирганского

ТОВАРИЩИ-ЧИТАТЕЛИ!
ПРИСЫЛАЙТЕ МАТЕРИАЛ
ДЛЯ ОТДЕЛОВ
„Провинциал. пестрядь“,
„Архив Крокодила“,
„Вилы в бок“.

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

— Сознайся: не хорошо ты поступил, уйдя на другой завод?..

— Ну да, нехорошо: поступил всего на какие-то двести в месяц!

— Пишут, что на Магнитострой требуются энтузиасты. А у нас на бирже и специальности такой нет!

40371 ✓

АРХИВ
28 СЕНТ 1930.
Г. Ц. К. П.

36
26 IX
Рис. А. Топикова

СТАРАЯ ПЕСНЯ

— Темпы, темпы! Словно взбесились все. А выпить когда же? Ну, прогулял — эка беда. Не пятилетку же, а только пять ден.